

Словно от укола острой иглы, Морис мгновенно подобрался, дыхание его стало неровным. Он холодно отвернулся, пряча глаза, но пальцы выдали его, упрямо сжав простыню.

«Неужели он действительно заметил?.. Как тут не сгореть от стыда? Ведь он — это не я!»

При одной мысли о том, как он, подобно женщине, стонал под чужим телом, принимая его в себя, Морис чувствовал, как взгляд заволакивает ледяная стужа.

Хань Цзин тихо вздохнул и с мягкой, едва заметной улыбкой опустился на край постели. Довольно мучить друг друга — нужно наконец поговорить начистоту. Если Морис действительно презирает его до глубины души, Хань Цзин отступит. Ему ли не знать, как невыносимы навязчивые преследования? Хватило с него и домогательств Клиффа.

«Если в его сердце нет ко мне ни капли нежности, а иллюзия Атлантиды оставила лишь привкус позора и горьких воспоминаний... что ж, тогда мне действительно пора уйти».

Темный взгляд Хань Цзина, секунду назад лучившийся мягкостью, подернулся печалью. Пользуясь тем, что генерал погрузился в свои мысли, Хань Цзин осторожно накрыл его ладонь своей.

— Ты презираешь меня? — негромко спросил он. — Потому что тебе невыносимо быть под моим телом? Или ты в принципе терпеть меня не можешь? Я действительно тебе настолько противен?

Сердце Мориса пропустило удар. Он хотел ответить «да», ведь он должен был его ненавидеть! За всю свою жизнь он и помыслить не мог, что окажется в роли слабой женщины, отдающейся чужой страсти. Этот человек растоптал его непомерную гордость! Но горло перехватило, голос пропал. Почему нужные слова застряли в груди?

Морис опустил ресницы. В груди разлилась тяжелая, удушливая тоска.

На губах Хань Цзина проступила бледная, горькая усмешка. Глядя на ледяное молчание Мориса, он не знал, что еще сказать. Хань Цзин и сам себя не понимал. Всегда сдержанный и холодный, рядом с этим человеком он терял всякий контроль. Безумная страсть, овладевавшая им, походила на бушующее пламя, способное выжечь небосвод дотла. Порой эта неистовая сила пугала его самого.

Ради Мориса он был готов поступиться даже мужским самолюбием — одного воспоминания о прекрасных днях в иллюзии Атлантиды хватало, чтобы забыть о любых обидах.

Глотая подступившую к горлу боль, Хань Цзин мягко спросил:

— А если... если я сам соглашусь лечь под тебя? Ты всё равно будешь меня ненавидеть? Всё

равно сочтешь это позором?

Морис вздрогнул и резко повернулся, во все глаза глядя на до боли знакомое лицо. Ладонь, которую сжимал Хань Цзин, едва заметно затрепетала.

Уловив эту мимолетную перемену, Хань Цзин сжал его пальцы крепче:

— Ответь мне: если бы там, в иллюзии Атлантиды, я оказался женщиной... тебе тоже было бы мерзко? Тосковал бы ты по мне прежнему?

«Будь он женщиной... я бы наверняка влюбился».

Мысли Мориса спутались. По привычке он попытался спрятаться за броней холодного безразличия. Он прекрасно помнил, как сладко замирало сердце в иллюзии Атлантиды, помнил свое наваждение. Именно эта ясность и пугала его больше всего, заставляя с яростным ожесточением отрицать опыт, который ощущался длиною в целую жизнь, подобно прожитому перерождению.

Внезапно дрожь в чужой руке утихла. Ледяные пальцы, холодный блеск изумрудных глаз и точеное, словно высеченное из вечного льда лицо генерала заставили последнюю надежду в душе Хань Цзина угаснуть. Он заговорил глухо, пытаясь сохранить прежнее тепло в голосе, но в него неизбежно закралась мертвенная стужа.

— Я понял... Отдыхай и не мучай себя больше. Даже если я тебе противен, я по-прежнему остаюсь твоим кристаллом Туаой...

— Наверное, в этом нет твоей вины, да и моей тоже. Это просто ошибка Атлантиды.

— Если тебе станет неважно — ты всегда можешь прийти ко мне. Я больше не стану ни к чему тебя принуждать. Мне лишь хочется, чтобы мы не стали друг другу совсем чужими.

— Если у тебя возникнут вопросы, давай решать их открыто. Надеюсь, история с моим изгнанием из сектора Роедлас больше не повторится.

Хань Цзин говорил тихо, выплескивая наружу всё, что так долго томилось в груди. Его слабая, печальная улыбка отозвалась в душе Мориса странным холодом и пугающей пустотой. Не успев осмыслить это внезапное чувство, генерал дернулся вперед и крепко перехватил ладонь Хань Цзина, не позволяя тому уйти.

Хань Цзин, уже успевший подняться, замер. Не веря ощущениям, он с замиранием сердца обернулся и пристально посмотрел на Мориса.

Тот, кажется, и сам удивился своему порыву. Хмурясь, он процедил сквозь зубы своим обычным, бесстрастным тоном:

— Это был не я... Я тебя не изгонял.

— Ты?.. — Голос Хань Цзина дрогнул. Медленно, дюйм за дюймом, он попытался переплести пальцы с пальцами Мориса. Тот напрягся, сжал руку крепче, но желанного отторжения, которого Хань Цзин так боялся, не последовало.

«Неужели шанс еще есть? Пусть даже не такой, о каком я мечтал?»

Сердце Хань Цзина предательски заколотилось. Он опустил обратно на край постели, напрочь забыв о расспросах про изгнание. Он вглядывался в безупречное, холодное лицо генерала и заметил, как тот на долю секунды отвел глаза, но тут же вновь уставился на него ледяным, пронзительным взглядом. Морис никогда не позволял себе слабости. Ни при каких обстоятельствах.

— Если ты не против, мы можем попробовать... не торопись. Возможно, со временем ты привыкнешь ко мне. В конце концов, технологии Атлантиды намного превосходят наши. Кто знает, может, мы найдем способ избавить тебя от этой зависимости?

— Я действительно люблю тебя, Морис. Даже в самые тяжелые, безотрадные минуты.

Понимая, насколько генерал закрыт и не привык проявлять инициативу, Хань Цзин решил сделать первый шаг. Он медленно наклонился, потянувшись к его губам.

Изумрудный взгляд Мориса дрогнул, брови сошлись у переносицы. В самое последнее мгновение он инстинктивно отвернулся, избегая поцелуя, но бывшего отвращения тело не выказало. Опасаясь, что Хань Цзин сейчас отстранится с обидой, Морис слегка повернул голову назад — и тут же ощутил, как мягкие губы коснулись его уха, ласково прикусывая мочку. Это мимолетное прикосновение отозвалось в уставшем теле новой волной сладостного изнеможения.

Они замерли в этих нежных объятиях. Пусть в них не было недавнего безумного исступления и губы их так и не соприкоснулись, Хань Цзин упивался моментом. Впервые Морис, находясь в полном сознании, не отверг его ласку.

Постепенно едва уловимое, томительное тепло тонкими шелковыми нитями опутало тело, заставляя кожу гореть. Морис, испугавшись зарождающегося жара, попытался шевельнуться, но в этот момент Хань Цзин отстранился, и кожу генерала обдало прохладой.

Хань Цзин подошел к панорамному окну из кристаллов Туаой, приглушил их сияние и оставил лишь узкую щель, в которую проникал свежий ночной бриз. Затем он вернулся к постели.

— Я ужасно устал, Морис... Позволишь мне остаться на ночь? — Хань Цзин без сил опустился на подушки, прислонившись к изголовью.

Эти слова заставили Мориса внутренне содрогнуться. Вспомнив, с какой неистовой жадностью он сам требовал ласки совсем недавно, генерал слегка изменился в лице. Он помолчал, а затем, преодолевая свинцовую тяжесть в ноющих мышцах, поднял руку и нажал на кнопку управления кристаллами Туаой.

Прозрачные панели из кристаллов Туаой скрылись за плавно опустившимися тяжелыми портьерами. Комната погрузилась в спасительную темноту. Изнуренные до предела, оба мужчины устроились поудобнее и мгновенно провалились в глубокий, беспмятный сон.

Хань Цзин уже засыпал, когда почувствовал, как потяжелело его правое плечо — в темноте Морис повернулся и прижался к его боку.

Вслушиваясь в его мерное, тихое дыхание, Хань Цзин растерял остатки сна. Он не смел пошевелиться, опасаясь, что чуткий военный инстинкт заставит генерала проснуться и тот в гневе отвергнет его близость. Однако следующее движение Мориса рассеяло все сомнения. Слишком измученный, он инстинктивно искал опору и, полностью расслабившись, уткнулся лицом в грудь Хань Цзина.

Хань Цзин больше не мог сдерживаться. Он бережно прижал Мориса к себе, коснулся губами мягких шелковистых волос и скользнул ладонью на его талию.

Внезапно Хань Цзин замер. Осторожно огладив пальцами живот Мориса, он удивленно нахмурился.

«Неужели он прибавил в весе?»

Под ладонью отчетливо прощупывалось непривычное, мягкое округление.

Окружающие купол кристаллы Туаой беззвучно улавливали первые признаки рассвета, мягко преломляя свет и заливая спальню нежным изумрудным сиянием, пробивавшимся сквозь толщу океанских вод. Наступило утро.

Почувствовав чужую руку на своем животе, Морис мгновенно открыл глаза. В его взгляде вспыхнула стальная, чисто военная настороженность, которая, впрочем, тут же сменилась растерянностью. Прежде чем разум успел все осознать, тело отозвалось на окутавшее его тепло — Хань Цзин крепко обнимал его во сне.

Морис замер. За все четыре месяца их совместной жизни Хань Цзин ни разу не оставался в его

постели до утра. И дело было вовсе не в робости партнера — просто Хань Цзин всегда поднимался на рассвете, чтобы приготовить теплую воду для умывания, нагреть полотенце и оставить на его губах неизменный, ласковый утренний поцелуй...

Нахлынувшие воспоминания отозвались в груди Мориса смутным волнением. Он действительно решил сделать шаг навстречу Хань Цзину. Пережив адские муки последних дней, когда жажда близости едва не свела его с ума, генерал наконец осознал: все его хваленое упрямство и гордость перед лицом наследия Атлантиды — не более чем жалкая, смехотворная глупость.

В конце концов, Хань Цзин не был ему безразличен... Но было ли это искренним чувством или очередным шутовством древней цивилизации, подчинившей его плоть своей воле?

Морис питал к Атлантиде глубокий, почти суеверный страх, укоренившийся в самой его сути. Он не разделял всеобщего восторга перед технологиями ушедшей эпохи. Безумное вожделение, ставшее его проклятием, лишь укрепило в нем глухое отвращение к этому наследию.

Почувствовав, что лежащий позади мужчина зашевелился, Морис поспешно прикрыл глаза. Его бережно повернули, высвобождая из объятий, и в лоб мягко ткнулись теплые губы.

— Доброе утро, Морис.

Тихий, бархатистый голос над самым ухом заставил сердце генерала болезненно сжаться. Он так давно не слышал этих простых слов. Сейчас они вернули ему забытое ощущение уюта — словно вещь, к которой привык за долгие годы, вернулась на свое законное место. Матрас слегка качнулся, когда Хань Цзин поднялся с постели. Лишь тогда Морис открыл глаза, услышав со стороны ванной глухой, сдавленный кашель.

Генерал нахмурился и, преодолевая слабость, приподнялся на локтях. Но едва он сел, как к горлу внезапно подкатил резкий, удушливый спазм. Морис судорожно прижал ладонь к груди. Он пытался перетерпеть, дожидаться, пока освободится уборная, но дурнота нарастала с пугающей силой. Лицо его стремительно бледнело, лоб покрылся испариной. Не выдержав, он сорвался с постели и, забыв про обувь, босиком бросился в ванную. Игнорируя ошеломленного Хань Цзина, Морис тяжело уперся руками в стену из кристаллов Туаой и согнулся над унитазом в мучительном приступе рвоты.

— Морис?! — испуганно воскликнул Хань Цзин, тут же подхватывая его под руки.

Ладонь Хань Цзина бережно гладила его по спине, пытаясь облегчить приступ, но спазмы не утихали. Морис побелел как полотно, по вискам катился холодный пот. Силы окончательно оставили его; покачнувшись, он опустился на колени прямо на холодный пол и, цепляясь за фаянсовый край, зашелся в надрывном, пустом сухом кашле.

Когда судороги наконец прекратились и генерал бессильно замер, шумно глотая воздух, Хань Цзин опустился рядом с ним на колени и крепко прижал к себе.

— Как ты? — Хань Цзин с нежностью и тревогой отирал холодный пот с его лба. — Давай я принесу теплой воды? А потом мы сразу пойдем в лазарет.

— Не нужно... — с трудом выдавил Морис. Сглотнув подступившую горечь, он заставил себя вернуть лицу привычную маску холодного безразличия. — Это из-за таблеток. Я... принял слишком много. Обычная реакция организма. Скоро пройдет.

— Ты... — При упоминании опасных психотропных стимуляторов Хань Цзин вздрогнул. Он резко ухватил Мориса за плечи, заставляя поднять голову. В глубине его темных глаз бушевала буря невыразимой тревоги.

— Не смей больше притрагиваться к этой дряни! Слышишь?! Они же убьют тебя, Морис! Я не хочу тебя потерять... — Голос Хань Цзина задрожал, срываясь на глухой, болезненный шепот. — Даже если ты не можешь принять меня... пускай. Я согласен быть твоим кристаллом Туаой. Я все обдумал. Моя обида — ничто по сравнению со страхом за твою жизнь. Ты дороже мне всего на свете, Морис...

Он лишь хотел образумить упрямого генерала, но чувства, хлынувшие через край, смели все барьеры. Слова сорвались с губ прежде, чем он успел их осмыслить.

Морис безмолвно покоился в его объятиях. Постепенно ледяное выражение его лица дрогнуло, уступая место едва заметному смятению. В глубине синих, как сапфиры, глаз отразилось встревоженное лицо Хань Цзина.

— Хорошо. Я и сам не хочу больше злоупотреблять ими...

— Не «злоупотреблять», Морис! Вообще забудь о них! Ни единой таблетки! — Взгляд Хань Цзина стал непривычно жестким и требовательным.

Морис слегка нахмурился, словно взвешивая его слова, но затем коротко кивнул:

— Ладно. Договорились.

С этими словами он опустил голову и попытался подняться. Хань Цзин, негромко кашлянув, мягко придержал его за локоть:

— Давай помогу.

— Не надо, — отрезал Морис. Гордость не позволяла ему показывать слабость даже перед

самым близким человеком. Он резко высвободил руку, и сила этого движения искренне удивила Хань Цзина.

«Я сам до сих пор не пришел в себя после безумной ночи... А он держит себя так, будто ничего не произошло? Хотя вчера он был куда неистовее и полностью доминировал надо мной. Как у него это получается?!»

Хань Цзин снова тихо кашлянул. Глядя на то, как Морис выпрямился, принимая безупречную военную осанку, он вдруг почувствовал странное замешательство по поводу их интимной жизни.

— Что-то не так? — Морис обернулся, окинув его строгим, испытующим взглядом, безмолвно требуя освободить ванную.

Хань Цзин лишь мягко улыбнулся и повесил банное полотенце туда, где генерал привык его находить.

— Прими горячий душ. И никакой холодной воды. Тебе нужно согреться и восстановить силы...

Как только дверь за Хань Цзином закрылась, Морис взял стакан с теплой водой. Полотенце под рукой тоже оказалось приятно нагретым. Даже струи горячей воды, омывавшие его тело, казались сейчас небывало ласковыми.

Окруженный клубами влажного пара, Морис долго стоял неподвижно под душем. Его пальцы задумчиво скользнули от плеча вниз по груди и замерли на животе. Едва осязуемое округление под ладонью мгновенно вернуло его к реальности.

На протяжении всей недели, изнывая от противоестественной жажды, он почти ничего не ел. Как же вышло, что он не только не сбросил вес, но и округлился в талии?

Впрочем, Морис быстро отогнал эти мысли. Изменения были ничтожными — посторонний глаз ни за что бы ничего не заметил. Лишь он сам, прикасаясь к телу, мог уловить эту странную мягкость.

— Сегодня я не успею принести тебе завтрак, время поджигает... — Хань Цзин, уже успевший переодеться в чистую форму, с улыбкой указал на мигающий экран коммуникатора на запястье, стоило Морису выйти из ванной.

Генерал лишь сухо кивнул в ответ и молча принялся застегивать мундир. Он вновь выглядел безупречным, недостижимым военачальником.

Хань Цзин невольно опустил глаза, улыбка сошла с его лица. Глядя на этого ослепительного, сурового четырехзвездного генерала, он почувствовал, как в душу закрадывается щемящая

тоска. Такова человеческая природа: стоит получить крошечную надежду, как сразу хочется большего. Ему так отчаянно хотелось верить, что сегодня Морис сделает шаг навстречу. Ведь это утро должно было стать началом их новой жизни.

<http://bllate.org/book/19677/1988271>